

Святослав Логинов

Автопортрет

Святослав Логинов

Автопортрет

«Автор»

1998

Логинов С. В.

Автопортрет / С. В. Логинов — «Автор», 1998

Валерий Александрович Пошубин вышел на пенсию, на следующий день он за пять рублей у бича приобрел краски и кисть и решил написать свой автопортрет. Он потратил на это несколько месяцев, прочитал множество книг по физиогномике, чтобы понять что скрывается за чертами его лица. И вот наконец портрет готов, осталось подписать, Валерий Александрович уходит, а когда возвращается обнаруживает, что его автопортрет находится в музее будущего и носит довольно не лестную для него характеристику. Какую? Читайте рассказ.

© Логинов С. В., 1998

© Автор, 1998

Содержание

АВТОПОРТРЕТ	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Святослав ЛОГИНОВ

АВТОПОРТРЕТ

Валерий Александрович Полушубин вышел на пенсию. Провожали его хорошо, двумя отделами. Читали приказ директора, говорили прочувствованные слова о заслуженном отдыхе. Отдел Главного инженера подарил спиннинг, отдел Главного энергетика – большую хрустальную конфетницу. Валерий Александрович не был рыболовом и не ел конфет, потому что страдал диабетом, но речи ему понравились.

Инга Петровна, которую Полушубин про себя иначе как "фитюлькой" не называл, преподнесла репродукцию на спецткани – мадонну с младенцем. Такого Валерий Александрович не ожидал, отношения с "фитюлькой" были не из лучших. Ингу Петровну взяли специально на смену ему, они отработывали вместе три месяца: месяц до шестидесятилетия Полушубина и два "жадных" предпенсионных месяца. Теперь "фитюлька" будет сама себе начальником, а на радостях можно и мадонну отвалить.

Вечером Валерий Александрович спрятал ненужные удочку и конфетницу, потом начал рассматривать картинку. Что в ней люди находят? Сидит девица и кормит титькой голого рыжего мальчишку. Приличный человек, такое заметив, глаза отводит.

Репродукцию Валерий Александрович убрал на шкаф, положил мадонной вниз, чтобы не пылилась, и решил при случае кому-нибудь передарить. Самому Полушубину мадонна была ни к чему, а что касается младенцев, то дети у него ассоциировались с надоедливым плачем по ночам, да с графой в расчётной ведомости, по которой с него шестнадцать лет высчитывали четверть зарплаты. Но это было давно, теперь Валерий Александрович жил один и знать ничего не знал о бывшей семье.

Со следующего утра для Валерия Александровича началась новая жизнь. За годы работы он привык чувствовать себя необходимым человеком. Ежедневно с трёх до пяти часов у его кабинета толпились люди, пришедшие на инструктаж, и если Полушубин почему-либо задерживался, они покорно ожидали. Ни одна инструкция не имела силы без его подписи, рацпредложения присылались к нему на заключение, а технологические регламенты для согласования. Так что причин для самоуважения было достаточно.

Сначала Валерий Александрович считался просто инженером по технике безопасности, потом, когда ему прибавили зарплату, стал требовать, чтобы на документах стояло: "старший инженер по технике безопасности". Без этого Полушубин ни одной бумаги не подписывал, хотя смутно подозревал, что такой должности в штатном расписании нет.

Теперь новоиспечённый пенсионер утверждал свою значительность другими способами. Он чуть не ежедневно инспектировал двор, заставляя скрежетать зубами дворника, да смерти надоел санэпидстанции и участковому инспектору телефонными звонками и сигналами, а работников ближайшего универсама довёл до предынфарктного состояния жалобами на некультурное обслуживание и проверками: не прячут ли продавцы под прилавки дефицитные творожные сырки. Всё это Полушубин совершал бескорыстно, ибо, как диабетик сладких сыров есть не мог.

Не обошёл Валерий Александрович вниманием и задний двор универсама. Заглянул, устроил разнос рабочим за раскиданные ящики. Грузчики лениво отбреживались, потом пообещали надеть неугомонному пенсионеру ящик на голову. Угроза Валерия Александровича не испугала, но всё же он решил уйти. Однако, у ворот его остановил какой-то человек.

– Папаша, купи, – сказал он, протягивая свёрток. – Задарма отдам.

Валерий Александрович невольно глянул. Продавец относился к разряду "бывших интеллигентов" и, конечно же, не мог предлагать вещь хоть на что-нибудь годную. Но едва со свёртка

слетела бумага, Валерий Александрович сразу понял, что перед ним хотя и ненужная, но настоящая вещь. В крепком, сделанном из лакированной фанеры ящичке рядами лежали тюбики, в специальных круглых и овальных гнёздах помещались бутылки и флаконы. Три разной толщины кисточки теснились сбоку.

Действительно, зачем все эти богатства бывшему старшему инженеру по ТБ? Но жила в Валерии Александровиче простительная слабость к добротным, пусть даже бесполезным вещам.

Продавец, заметив неуверенность на лице Валерия Александровича, резко пошёл в атаку:

– Что, папаша, берёшь? Тогда с тебя четвертной.

Цена сразу охладила Валерия Александровича, и он, для того больше, чтобы позлить, предложил:

– За три рубля возьму.

– Что?! – взревел бывший интеллигент, но тут же, сникнув, попросил: – Восемь-то рублей дай. Ты вникни, какие краски. И не троганные. Этот набор втрое стоит, да ещё и не достанешь нигде...

Валерий Александрович прикинул в уме, что сегодня дают в винном, и, определив таким образом минимальную сумму, сторговался на пяти рублях. Получив деньги, бич поспешил в отдел, а оттуда снова во двор универсама, где для любителей оборудован был закуток, и стакан не очень грязный стоял на ящике, а порой объявлялись солёные помидоры или иная полезная снедь, вытащенная во двор под засаленным грузчицким передником. Вышел он из закутка вовсе не умиротворённый, как можно было бы ожидать, а напротив, крайне агрессивный.

– Ну?! – закричал он, увидав, что Валерий Александрович ещё не ушёл, а следит за разгрузкой молочной машины. – Купил? А на кой он тебе? Это не краски, а мечта, я их для великой картины берёг, а ты за пятёрку у человечества великий шедевр украл! Дерьмо ты!..

Валерий Александрович хотел ответить, но растерявший остатки интеллигентности алкоголик перешёл на крутой мат, и Валерий Александрович поскорей ушёл, провожаемый воплем:

– Думаешь купил и художником стал? Не получится!..

Бессильная пьяная злоба пропившегося живописца вообще не задела бы Валерия Александровича, если бы не одно, мелкое казалось бы, событие. Дома Валерий Александрович включил телевизор и попал как раз на передачу о художниках. А точнее – о современном авангарде. Жалобы на то, как худо жилось живописцам в застойные годы, мало тронули Полушубина. Сам он честно работал и жил неплохо. Грех жаловаться, хотя желательно было бы получать побольше. Значит, эти просто работать не хотели. Но полотна, которые крупным планом показывали с экрана, потрясли и возмутили его. Искажённые хари, детские каракули, чёрные квадраты... И это живопись? Да так каждый сможет!

Валерий Александрович повернулся к столу, где всё ещё лежал ящик с красками, сдвинул полированную крышку. Тюбики, казалось, ждали, когда умелые пальцы выдавят на палитру их цветное содержимое.

В душе Валерия Александровича созрело решение. Раз уж он купил эту штуку, то её надо использовать. Он напишет картину, свой портрет. Да, он не художник, его не учили, не тратили на него народные деньги, но он сделает лучше, чем эти ноющие неудачники.

Валерий Александрович подошёл к зеркалу, чтобы рассмотреть себя. Конечно, он не красавец, прожитые шесть десятков отпечатали заметный след, но они же придали лицу значительность, уверенное спокойствие и благородство, рождённое сознанием личной нужности. Валерий Александрович остался доволен своей внешностью и упрочился в принятом решении.

Прежде он, томимый пенсионным бездельем, подумывал о воспоминаниях, исписал даже пару страниц в учётной книге, бог знает когда и зачем вынесенной со службы. На двух учётных страницах уместились сведения о месте и времени рождения, о ближайших родственниках, а

также перечень мест работы и должностей. Короче, лаконичный язык, которым так гордился Валерий Александрович (никогда начальство не вычёркивало из составленных им писем ни единого слова), на этот раз подвёл хозяина. Вместо воспоминаний получилась автобиография. Подвела привычка. Но к живописи-то у него привычки нет, и здесь он сумеет рассказать о непростой, но не даром прожитой, нужной людям жизни.

Валерий Александрович прекрасно знал, о чём должно рассказывать искусство, и не сомневался, что на этот раз всё получится как нельзя лучше.

Оставались некоторые технические трудности. Чем писать у него есть, а на чём? Не ска-терть же портить... Валерий Александрович немного поразмыслил, потом достал старую чер-тёжную доску, на которой давно уже не чертил (с той поры, как сменил должность конструктора на инженера по ТБ) и с помощью струбцины закрепил на ней подаренную "фитюлькой" репродукцию, здраво рассудив, что спецкань выдержит ещё один слой краски.

На следующий день с утра Валерий Александрович отправился в библиотеку. Он был не настолько самонадеян, чтобы хвататься за кисть, не подготовившись предварительно теоретически. За день Валерий Александрович выяснил, что в библиотеке имеется очень непло-хая столовая, где подают говяжью печень в сметанном соусе, вкус которой он успел позабыть, установил, что холст должен быть прогрунтован (прямо по холсту пишут только эти, модные), а также запомнил два непонятных слова: пленер и подмалёвок.

По дороге домой Валерий Александрович зашёл в магазин и купил стограммовую баночку белил. Тратить на грунтовку краски из набора было жалко.

Репродукция ожидала его, зажатая в струбцину. Девушка сидела с расшнурованным пла-тьем и не смотрела на Валерия Александровича. А младенцу тем более всё было до феньки. Он, закатив глаза, сосал титьку.

– Бесстыдница! – сказал Валерий Александрович и принялся замазывать девушку белой краской.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.